

Научная статья
УДК 94+327

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-1146-1156>

Влияние религиозного многообразия на курдскую идентичность в геополитическом контексте

Мелина Владимировна Барави , Дарья Александровна Тарасова *

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

*Адрес для переписки: daria.tarasova@corp.mail.ru

Актуальность. Курды, не имеющие собственного государства, в настоящее время рассредоточены на территории четырех стран (Турции, Сирии, Ирана, Ирака), которые настроены к ним достаточно негативно и различными способами пытаются лишить их прав на проявление идентичности. Историографически курдский вопрос принято воспринимать как еще одно препятствие на пути к региональной стабильности на Ближнем Востоке, однако, уникальность их положения заставляет смотреть на ситуацию с другой стороны. Цель исследования – доказать, что их опыт асимметричного взаимодействия с различными окружающими акторами можно экстраполировать для решения вопросов долгосрочной стабильности на Ближнем Востоке и урегулирования других конфликтов.

Материалы и методы. Исследование основано на принципах историзма и объективности; были использованы хронологический и структурный методы и сравнительный анализ.

Результаты исследования. Новизна исследования заключена в возможности рассмотрения религиозной гетерогенности курдов как возможно положительного фактора, который может быть использован для построения новой курдской идентичности. Также анализируются особенности положения курдов на разных территориях, в том числе в религиозном контексте. Определены тенденции этнических взаимоотношений на территориях стран проживания.

Выводы. Религиозная эклектичность курдов значительно повлияла на курдскую политическую идентичность, а единство населения вопреки внешним разобщающим факторам возникает из его культуры толерантности. В то же время это осложняет их взаимодействия с достаточно нетерпимыми к инакомыслию и инаковерию государствами, на территориях которых расположен современный непризнанный Курдистан.

Ключевые слова: курды, Курдистан, Ближний Восток, Сирия, Ирак, Иран, Турция

Благодарности и финансирование. Финансирование работы отсутствует.

Вклад в статью: Барави М.В. – изучение исторических источников по проблематике, написание части текста статьи. Тарасова Д.А. – концепция исследования, написание части текста статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Барави М.В., Тарасова Д.А. Влияние религиозного многообразия на курдскую идентичность в геополитическом контексте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 4. С. 1146-1156. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-1146-1156>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-1146-1156>

The impact of religious diversity on the Kurdish identity within a geopolitical framework

Melina V. Baravi , Daria A. Tarasova *

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

*Corresponding author: daria.tarasova@corp.mail.ru

Importance. The Kurds are currently dispersed across four countries (Turkey, Syria, Iran, and Iraq), which are quite negative towards them, trying to suppress expression of their identity. Historiographically, the Kurdish issue is usually perceived as another obstacle to regional stability in the Middle East, but the uniqueness of their position forces us to look at the situation from a different perspective. The aim of the study is to prove that the experience of asymmetric interaction of Kurds with various social actors can be extrapolated to address the problem of long-term stability in the Middle East and the resolution of other conflicts.

Materials and Methods. The research is based on the principles of historicism and objectivity; chronological and structural methods and comparative analysis are used.

Results and Discussion. The novelty of the study is that it allows us to consider the religious heterogeneity of the Kurds as a possible positive factor that can be used to build a new Kurdish identity. The peculiarities of the situation of the Kurds in different territories, including in a religious context, are also analyzed. The trends in ethnic relations in the territories of four nearby countries (Syria, Iraq, Iran, and Turkey) are determined.

Conclusion. The eclectic nature of Kurdistan's religious composition has greatly influenced Kurdish political identity, and despite external divisive factors, the diverse Kurdish population is united due to its culture of tolerance, which stems from its long history of diverse religious traditions. At the same time, it complicates their interactions with the neighbouring states that are intolerant of dissent and other faiths.

Keywords: Kurds, Kurdistan, Middle East, Syria, Iraq, Iran, Turkey

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Authors' contribution: Baravi M.V. – study of historical sources on the subject, part of manuscript text drafting. Tarasova D.A. – study conception, part of manuscript text drafting.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Baravi, M.V., & Tarasova, D.A. (2024). The impact of religious diversity on the Kurdish identity within a geopolitical framework. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 29, no. 4, pp. 1146-1156. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-1146-1156>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Курды, являющиеся крупнейшей в мире этнической группой, не имеющей собственного государства, в настоящее время рассредоточены на территории четырех стран (Турции, Сирии, Ирана, Ирака). Эти страны настроены достаточно негативно, в некото-

рой степени даже агрессивно и различными способами пытаются избавиться от курдов если не напрямую через физическое уничтожение, то через разрушение идентичности и лишение прав на самоидентификацию, несмотря на уже добытые права.

Историографически курдский вопрос принято воспринимать как еще одно пре-

пятствие на пути к региональной стабильности на Ближнем Востоке. Однако уникальность их положения заставляет смотреть на ситуацию с другой стороны: что если их опыт асимметричного взаимодействия с различными окружающими акторами можно экстраполировать для решения вопросов долгосрочной стабильности на Ближнем Востоке и урегулирования других конфликтов? Стремление к независимости и сопутствующие конфликты следует рассматривать в контексте уникального религиозного состава Курдистана.

Непризнание курдской государственности и их многолетняя борьба за нее также сказываются на межрелигиозных отношениях курдов, ведь современные институциональные системы всех крупных религий плотно связаны с государством. Религиозные институты часто контактируют с правительствами разных стран и зависят от их решений. Более того, в мусульманских странах правительственные и религиозные функции часто совмещены в одном институте.

Еще одна курдская религиозная проблема также проистекает из размещения курдов на территории разных государств. Отсутствие у курдов собственной государственности автоматически ставит их в зависимость от того, какое религиозное течение господствует в конкретном государстве. Поскольку все основные государства курдов – мусульманские, то формирование некоего анклава со своей религией, как это, например, происходит в России, на практике очень затруднено.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

На основе теоретического анализа данных (официальные сайты организаций, сообщения средств массовой информации и т. д.) дана объективная картина текущего состояния внутренних отношений среди курдов. Были использованы хронологический и структурный методы и сравнительный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Курды считаются толерантными из-за их долгой истории сосуществования и взаимодействия с различными этносами и религиями, Курдское общество традиционно было открытым и гостеприимным к разнообразию иностранных культур и обычаев. Кроме того, курды сталкивались с репрессиями и дискриминацией со стороны других этнических и религиозных групп, поэтому они часто призывают к уважению и толерантности к другим. Кроме того, в курдской культуре приветствуется доверие, любезность и гостеприимство к посторонним¹. Это также способствует формированию толерантного отношения к различиям.

Стоит отметить, что в последние годы некоторые курдские общины сталкиваются с ростом внутренней этнической и религиозной нетерпимости из-за вооруженных конфликтов и политических напряженностей в регионе. Религиозный контекст имеет решающее значение для понимания курдской этнической принадлежности и культуры, природы курдского национализма и потенциально положительного влияния, которое относительно толерантные курды могут оказать на ислам в целом. Кажется ироничным, но курды уже является темой, по которой обычно непримиримым странам удалось достичь согласия (пусть и не в пользу курдов). Более того, в силу общего единения религии и политики в ближневосточных государствах, любые контакты на международном уровне в области религии автоматически воспринимаются странами, где живут курды, как некий элемент международного признания.

На сегодняшний день курдская проблема остается едва ли не единственным аспектом, по которому у Ирака, Ирана, Турции и Сирии существует единая позиция. В целом любое движение на включение курдов как независимого субъекта, участвующего в ре-

¹ Is Kurdistan a future location for the Hospitality Industry? // Hospitality ON. March 2022. URL: <https://hospitality-on.com/en/development/kurdistan-future-location-hospitality-industry> (accessed: 23.04.2024).

шении хотя бы каких-нибудь вопросов, жестко блокируется всеми четырьмя странами [1].

Вопрос здесь настолько принципиален, что все четыре страны блокировали участие курдов в решении вопроса по противодействию ИГИЛ* (запрещенная в России террористическая организация), хотя в какой-то момент иракские и сирийские курды были наиболее реальной силой, которая противостояла террористам Исламского государства* (запрещенная в России террористическая организация) [2].

Более того, делу о легитимизации курдов не помогло даже то, что курды героически отбивали у ИГИЛ* (запрещенная в России террористическая организация) населенные пункты, которые затем передавали под юрисдикцию этих государств (речь, в первую очередь про Сирию и ее южные провинции). В качестве центрального аргумента относительно того, что заслуги курдов в обороне территории других стран от ИГИЛ* (запрещенная в России террористическая организация) не следует воспринимать слишком высоко, обычно используется то, что сами курды – активные члены деструктивных радикальных исламистских группировок [3].

Здесь в первую очередь, активна Турция, которая считает всю курдскую рабочую партию Турции экстремистской. Впрочем, вопрос не только в пропагандистской позиции. Курды действительно участвуют и даже организуют радикальные мусульманские движения, а риторика отдельных мусульманских проповедников, живущих на территории Курдистана, и вовсе выглядит максимально радикально [4].

При этом, говоря о влиянии религии, нельзя не упомянуть экстремистские течения. Борьба с экстремизмом как еще один показатель стремления избегать возможных религиозных конфликтов и поддерживать образ религиозного нейтралитета. В 2013 г. Региональное правительство Курдистана (КРГ) объявило, что не будет хоронить на своей территории молодых курдов, участвующих в конфликте в Сирии на стороне повстанцев. Их участие описывалось как

джихад, и распространялись сообщения о том, что курды присоединяются к боевикам, связанным с «Аль-Каидой»** (запрещенная в России террористическая организация) в Сирии². Хотя их число было небольшим, сама тенденция кажется достаточно тревожной и также воспринималась властями Курдистана, ведь в то время как религиозное насилие разрывает большую часть Ирака, Иракский Курдистан борется за сохранение репутации безопасного, надежного и религиозно не радикального региона [5].

Несмотря на иногда появляющиеся новости о конфликтах на религиозной почве, курды для такого «пестрого» состава на протяжении тысяч лет могли создать достаточно цельное комьюнити, где каждый из субэтносов получает значительную долю уважения.

Не только положение курдов, но и их религиозный и субнациональный состав отличаются от государства к государству. Иракский Курдистан в настоящее время является единственным регионом на Ближнем Востоке, кроме Израиля, в котором религии мира преподаются на равной основе в государственных школах, но ни одной религии не отдается предпочтение. «Курдский ислам – это не ислам Саудовской Аравии или Ирана», – заявил министр по делам религии Иракского Курдистана Мариван Накшбанди. «Нас часто заставляли страдать те, кто был нашими братьями-исламистами. Это сделало нас более терпимыми»³. Независимо от того, про-

² Religious Neutrality In 94 % Muslim Iraqi Kurdistan // The Huffington Post. June 2012. URL: https://www.huffpost.com/entry/religious-neutrality-iraqi-kurdistan_b_1587042 (accessed: 23.04.2024).

³ Why are Iraqi Kurds Fighting with Militant Islamists in Syria? // Pulitzer Center. May 2014. URL: <https://pulitzercenter.org/stories/why-are-iraqi-kurds-fighting-militant-islamists-syria> (accessed: 23.04.2024).

* ИГИЛ* – запрещенная террористическая организация по решению Верховного суда Российской Федерации от 14.02.2003 ГКПИ03-116.

** Аль-Каида** – запрещенная террористическая организация по решению Верховного суда Российской Федерации от 14.02.2003 ГКПИ03-116.

явятся ли эти дальновидные заявления в повседневной жизни курдов в Ираке (статистика о роли женщин в обществе намекает на ее ограничения), они жизненно важны для имиджа, который Иракский Курдистан хочет продвигать [6].

В Сирии различия и недоверие внутри курдской общины обусловлены, в том числе отношением к ним государства из-за специальной переписи населения, проведенной еще в 1962 г., в рамках которой десятки тысяч сирийских курдов были лишены сирийского гражданства и всех гражданских прав, и юридически классифицировались как аджанибы (иностранцы) в провинции Аль-Хасака⁴. Даже потомки оставшихся вне легального поля курдов продолжают страдать от последствий, неся статус «мактумов»⁵ – незарегистрированных лиц без гражданства.

Курды в Турции также сталкиваются со сложностями в выборе методов борьбы, которые они готовы поддерживать. Курды составляют около 18 % населения Турции; самое большое курдское население Турции проживает в Стамбуле (около двух миллионов). Большинство курдов – мусульмане-сунниты, а также мусульмане-шииты, христиане, алевиты, иудеи и езиды. Религиозные расхождения, а также различные политические точки зрения объясняют широкое разнообразие курдских взглядов на государство, хотя в политическом дискурсе доминирует курдская РПК. Как и в случае с другими видами борьбы меньшинств, в разговорах о правах курдов часто доминируют идеи кемализма (атаюркизма), отрицательно реаги-

рующие на курдские националистические требования.

Независимое курдское националистическое движение возникло в 1830-х гг. в ответ на реформы Танзимата. В 1925 г. новое светское государство подавило восстание на востоке Турции, возглавляемое суфийскими шейхами, имевшее сильный курдский националистический подтекст, что задавало тон государственным отношениям с курдами по всей Турции. Как и другие турецкие меньшинства, курды подвергались политике тюркизации при ранних националистических режимах⁶. Уникальная курдская этническая идентичность не поощрялась или официально запрещалась турецким государством до 1990-х гг., что включало запрет курдских публикаций, радио- и телевизионных программ, а также религиозной деятельности на курдском языке, а также различные формы политических и экономических репрессий [7].

После десятилетий репрессий курдское сепаратистское движение возродилось в 1970-х гг., РПК возникла в 1978 г., и все другие взгляды быстро были маргинализированы, что привело к отчуждению больших слоев курдского населения. Из-за насильственных действий, совершенных РПК против турецких вооруженных сил и сил безопасности, любая поддержка прав курдов рассматривалась как форма преступного сочувствия [8].

По прошествии десятилетий огромных страданий многие курды считают, что насилие является неэффективным средством достижения прав, и что политическая активность является обычным явлением, и они поддерживают турецкую демократию. Хотя РПК предлагала радикальную левую точку зрения, в 1980-х гг. также возникли исламские курдские группы, в том числе «Хизбалла» (не имеющая отношения к шиитской «Хизбалле» в Ливане), которая начала нападения на РПК в 1980-х гг., обвиняя ее в секуляризованности и убийствах мусульман, в чем ее поддержало турецкое правительство.

⁶ Kurds in Turkey // Harvard Divinity School. Glossary. URL: <https://rpl.hds.harvard.edu/faq/kurds-turkey> (accessed: 23.04.2024).

Федерации от 14.02.2003 ГКПИ03-116. Решение вступило в силу 04.03.2003.

⁴ Waiting for the legal birth: Maktumeen in Syria deprived of ownership rights // Enab Baladi. April 2021. URL: <https://english.enabbaladi.net/archives/2021/04/waiting-for-the-legal-birth-maktumeen-in-syria-deprived-of-ownership-rights/> (accessed: 23.04.2024).

⁵ They Spoke of Maktumeen with a Sense of Pity and Disdain. The statement of Dawran Ibrahim Khalil, a Syrian Kurd denied nationality due to the 1962 special census // Syrians for Truth and Justice. October 2019. URL: https://stj-sy.org/en/they-spoke-of-maktumeen-with-a-sense-of-pity-and-disdain/#_ftn1 (accessed: 23.04.2024).

Хизбалла потеряла популярность в 1990-х гг. после похищений и казней людей на юго-востоке и была реорганизована [9].

Курды Ирана, кажется, столкнулись с историческим парадоксом: они были пионерами курдского национального движения и государственности, но сейчас они лишены автономии, а их права защищены недостаточно. Именно в Иране в 1946 г. возникла Республика Курдистан, более известная как Махабадская Республика, хотя она просуществовала менее года и фактически была марионеточным государством СССР, она стала примером организации национального курдского государственного устройства, включившего в себя такие атрибуты государства, как наличие официальных символов и контроль над территорией; и даже относительно прогрессивную на тот момент времени защиту прав женщин [10]. Несмотря на все это, в то время как остальные три части Курдистана находились в процессе развития определенного самоуправления, курды Ирана в значительной степени бездействовали, что объясняется сочетанием как внутренних проблем курдов, так и присущей политике различных иранских режимов [11].

Исторически в Иране курдская идентичность часто фрагментирована, размыта или слита с иранской идентичностью, хотя в этническом отношении, несмотря на определенное культурное родство с персами, курды представляют собой отдельную нацию. К тому же большинство иранских курдов являются суннитами, это усиливает их отчуждение от центрального правительства, что усилилось после Исламской революции, провозгласившей ислам шиитского толка официальной религией [11]. Кроме того, в отличие от других государств, в которых курды в основном являются суннитами, в Иране существует значительная группа курдов-шиитов, что дополнительно усложняет возможное объединение курдов на современных светских основаниях.

Политика иранского правительства во многом объясняет положение курдов в этой стране. На протяжении всей современной

истории Правительство Ирана стремилось подавить курдское национальное движение всеми возможными способами, включая принудительную ассимиляцию и отрицание курдской идентичности, что напоминает политику других государств в отношении курдских общин. Исламская Республика стремилась ослабить курдское движение, апеллируя к курдам-шиитам, основная концентрация которых находилась в Иране. Подчеркивая свою религиозную близость к шиизму и используя хорошо известную стратегию «разделяй и властвуй», сменявшие друг друга иранские правительства сумели дистанцировать курдов-шиитов от остального курдского национального движения. Низкий статус курдов-суннитов отрицательно сказался на их доступе к возможностям образования и должностям в государственных учреждениях, а также препятствовал их участию в местной и национальной политике. Важно помнить, что с точки зрения численности курды Ирана превосходят численностью курдов Ирака и намного превосходят численностью курдов Сирии. Они также обладают большим интеллектуально-научным потенциалом, многие из них принимают активное участие в курдском национальном движении, обеспечивая ему необходимые организационные связи с внешним миром [12, с. 103], однако, их возможности ограничены по сравнению с правительством Ирана, который с уверенностью можно считать амбициозной региональной державой и важным торговым партнером для ряда стран, которые вряд ли будут склонны отказываться от развивающихся отношений ради поддержки курдов. Эти факторы делают появление второй Махабадской Республики маловероятным.

В целом религиозный аспект всегда занимал большое значение в жизни и быту курдов. Несмотря на свойственную им терпимость, у достаточно многочисленного (по разным оценкам от 40 до 55 миллионов человек) курдского народа существует довольно много внутренних разногласий, и религиозная гетерогенность – одна из них. Ее корни уходят в период зарождения мусульманской

религии. Курды, в отличие от многих других стран, где исповедуется ислам, приняли его не в результате естественного распространения этой религии в течение нескольких веков, а очень быстро, когда в VII веке произошло стремительное арабское завоевание курдских племен в Месопотамии. Курдская культура испытала влияние ряда доавраамических религиозных верований, однако, отсутствие документальной истории не позволяет проследить конкретное происхождение многих современных курдских религиозных и социальных практик. Месопотамские и анатолийские культы играли значительную роль в этом районе до письменной истории. А в восьмом веке до нашей эры, когда евреи были изгнаны из Палестины ассирийскими царями Израиля и Иудеи, в Курдистане появился иудаизм. Контакт с иудаизмом, вероятно, познакомил курдов с концепцией монотеизма. Зороастризм с его параллелями как с христианскими, так и с исламскими учениями (например, с конкретным определением добра и зла и идеей спасителя), вероятно, укрепил представление некоторых курдских общин о том, что все религиозные системы учат одной важной истине.

Езидизм, синкретическое и монотеистическое верование, вобравшее в себя элементы разных религий, что в некотором роде роднит его с уже исчезнувшим манихейством, также ведет свою историю с XII века. При этом среди езидов также нет абсолютного единства, они поделены на племенные кланы и касты. Существуют радикальные езиды, которые утверждают, что собственно они и есть единственная сохранившая самоидентификацию часть курдского народа. Менее радикальные последователи этого направления говорят о том, что они движутся по более «естественному» для курдов пути, чем курды-мусульмане. В результате, когда в 2016 г. официальный руководитель езидов Мир Назим Тахсин Бег заявил, что езиды – это курды, случилось даже небольшое волнение. Когда несколько сот человек вышли на улицу и потребовали его отставки, а после среди и так немногочисленных

езидов возникла альтернативная ветка управления, которая выбрала себе другого главу [13].

Курдские лидеры, как светские, так и религиозные, не заинтересованы в том, чтобы внутри Курдистана возникали серьезные конфликты на религиозной почве. Руководитель демократической партии Курдистана Масуд Барзани постоянно говорит о равенстве и равноправии между езидами и курдами, а также периодически встречается с наиболее светскими и образованными их лидерами. Впрочем, дело не всегда совпадает со словом, и езиды испытывают в Курдистане некоторые притеснения. Так, например, в Шингале запрещено вешать езидские знамена (на них изображены пророк езидизма Мьяляк Тавус, павлин и солнце) на общее обозрение. Такие откровенные двойные стандарты приводят к падению доверия между курдским правительством и езидским меньшинством [13].

Это недоверие приводит к тому, что езиды обвиняли руководство иракских курдов в том, что последние намеренно не обороняли их деревни от ИГИЛ* (запрещенная в России террористическая организация), чтобы террористы могли проводить масштабные карательные зачистки. Впрочем, эти данные не имеют официального подтверждения, зато официально известно, что езиды поддерживают тесные отношения с Курдской рабочей партией, которая в мире умеренных мусульман пользуется крайне сомнительной репутацией, а с позиции турецкого государства и вовсе является террористической организацией.

Отдельно следует отметить тот факт, что курды, имеющие высокий уровень организации, близкий к государственному, сумели сохранить разделение светского и религиозного аспектов управления. В исламе вся власть изначально исходит от Аллаха, а потому невозможна никакая другая форма государственного устройства, кроме как уст-

* ИГИЛ* – запрещенная террористическая организация по решению Верховного суда Российской Федерации от 14.02.2003 ГКПИ03-116.

ройства, основанного на законах шариата, которые, может быть, трудно адаптировать под современные реалии. Это вовсе не означает, что курды отказались от идеи реализации исламского государства, как общего объединения мусульман, которые живут по законам шариата. Эти идеи периодически возникают проповедники, которые призывают к вооруженным восстаниям за различные варианты возникновения такого государства.

С подобными проповедниками курдские правители действуют особенно решительно, поскольку единственный инструмент, к которому они в состоянии прибегнуть, находясь в Курдистане, – это призыв к мусульманам всего мира свергать еретические и «неверные» правительства в своих странах методом организации террористических актов и массовой паники. Поскольку Курдистан очень ревностно относится к своему международному признанию, любое подобное заявление, или учение, которое получило хоть малейший отклик, или малейшее признание, очень быстро ликвидируется силовыми методами. Тем не менее, подобные инциденты возникают практически каждый год. Более того, некоторые из таких инцидентов приводят к реальным террористическим актам, совершаемым под влиянием идей мусульманского фанатизма.

Ислам курдов также неоднозначен. Наиболее ревностные последователи ислама – это иракские курды. Они сильнее всех придерживаются ортодоксальных доктрин, однако, даже они во время противостояния с Исламским государством, не разделили их радикальных взглядов и противодействовали им [14, с. 81]. Более того, проблема ИГИЛ* (запрещенная в России террористическая организация), побудила иракских курдов пересмотреть свое отношение к радикальным исламистам и тех политиков, которые выражали самые жесткие взгляды – даже пытались отозвать из парламента. Наименее религиоз-

* ИГИЛ* – запрещенная террористическая организация по решению Верховного суда Российской Федерации от 14.02.2003 ГКПИ03-116.

ными являются сирийские курды. Они в целом солидарны с взглядом сирийских властей на то, что управление страной должно осуществляться светскими властями, хотя в исламе в целом разделение на духовную и светскую власть отсутствует.

Что касается курдских христиан, то их количество оценивается, по разным источникам, от 3 до 5 % от общего населения этнических курдов [13]. Христианские курды называются «хачпаристи», что в дословном переводе означает «поклоняющиеся кресту». Первое появление христианства на землях курдов принято связывать с Андреем Первозванным, который проповедовал в курдских городах Хенефоре, Аргенасе и Аксисе. Разумеется, после арабских завоеваний на христиан начались гонения, которые дошли и до курдских земель. После этого, начавшийся было рассвет христианской мысли среди курдов был подавлен, и христиане остались на своем нынешнем уровне по числу верующих среди курдского населения.

Таким образом, противоречия с религиозной (суннизм, шиизм, алевизм, езидизм) и лингвистической (наличие различных диалектов курдского языка затрудняет общение) точек зрения в этническом Курдистане и неравномерное развитие его частей по-прежнему ведет к незавершенному этногенезу, наличие существующих кризисов увеличивает конфликтогенный потенциал региона [15; 16].

В настоящий период времени нет лидера, который бы заинтересовался в решении курдской проблематики в пользу самих курдов (становление независимого курдского государства). При этом некоторая часть населения также не готова к созданию данного государства, поскольку не прослеживается интереса с их стороны относительно становления новых условий существования их геополитического образования. Курдские лидеры разного ранга не имеют возможности договориться между собой и в рамках сиюминутной конъюнктуры заключают взаимоисключающие союзы.

Мировое сообщество выбрало такой подход к решению данной проблемы, результатом которого не видится успех одной либо другой стороны, поскольку при достижении победы одной стороной другая будет чувствовать себя наиболее ущемленной, что приведет к развитию конфликта. В связи с этим видится решение данной проблемы в создании таких условий, при которых существование курдов внутри своих государств будет максимально комфортным. Необходимо мотивировать противоречивые государства Ближнего Востока, чтобы они принимали курдов в своих государствах, как равных граждан. Решение курдской проблематики необходимо осуществлять на основе соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, признания этнического права на самоопределение в соответствии с соблюдением Всеобщей декларации прав человека.

При этом исламская культура и богатый опыт государственного устройства во многом отличается своим положением, поскольку это способствует иракским курдам стать ближе на пути к цели по становлению независимого государства Курдистана. Стоит отметить, что по сравнению с другими народами, которые живут в признанных независимых государствах, иракские курды чувствуют себя значительно более свободными и национально идентичными.

ВЫВОДЫ

Курды сами продвигают толерантность, и она могла бы стать частью национального брендинга наравне с богатой древней культурой; если бы у курдов было достаточно ресурсов, то религиозное многообразие стало бы интересным концептом для своей линии «мягкой силы». Религиозное многообразие испокон веков было частью курдской идентичности, однако в условиях необходимости единения ради отстаивания своих прав создает трудности; также осложняет ситуацию тот факт, что сейчас большая часть курдов является мусульманами-суннитами и подвергается влиянию мусульманских государств-соседей.

Эклектичность религиозного состава Курдистана можно считать его уникальной чертой, в значительной степени создавшей и повлиявшей на курдскую политическую идентичность. Единство разнообразного населения Курдистана возникает из его культуры толерантности, которая, в свою очередь, проистекает из его долгой истории разнообразных религиозных традиций. В то же время это осложняет их взаимодействия с преимущественно монорелигиозными и достаточно нетерпимыми к инакомыслию и инаковерию государствами, на территориях которых расположен непризнанный Курдистан.

Список источников

1. *Ofra Bengio*. Kurdistan's Moment in the Middle East. Moshe Dayan Center. 2018. 468 p.
2. *Вертяев К.В., Иванов С.М., Макаренко В.В.* Рожава: феномен курдской автономии в Сирии. М.: ИВ РАН, 2023. 368 с. <https://elibrary.ru/cwhuj5>
3. *Барави М.В., Кретов А.Д., Тарасова Д.А.* Этнический Курдистан в контексте геополитики XXI века // Конфликтология/Nota bene. 2024. № 1. С. 1-11. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2024.1.69609>, <https://elibrary.ru/qdutgw>
4. *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации. Эволюция баланса сил в борьбе за Большой Ближний Восток. М.: Университетская книга, 2020. 520 с.
5. *Жигалина О.И.* Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века: сб. ст. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2006. С. 9-24.
6. *Nader A., Hanauer L., Allen B., Scotten G. Ali.* Regional Implications of an Independent Kurdistan. Santa Monica: RAND, 2016. 159 p.
7. *Оджалан А.* Курдистанская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК. М.: Axina Welat, 1998. 378 с.

8. Дубинин А.И. Этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке: историческая ретроспектива и современное состояние // Genesis: исторические исследования. 2023. № 6. С. 27-36. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.6.40988>, <https://elibrary.ru/cvqkzr>
9. Elitsoy A. The Kurdish Hizbullah and its shifting attitude towards Kurdishness and the Kurdish issue in Turkey // *Fritillaria Kurdica. Bulletin of Kurdish Studies*. 2017. № 17. P. 4-19.
10. Ofra Bengio. The Kurds in a Volatile Middle East Report // *Mideast Security and Policy Studies*. № 130. Israel: Begin-Sadat Center for Strategic Studies, 2017.
11. Жигалина О.И. Этносциальная эволюция иранского общества. М.: Восточная литература, 1996. 264 с.
12. Омархали Х.Р. Этническая идентичность курдов и самоидентификация курдов-езидов. Взаимодействие с представителями других культур // *Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность: материалы 7 Молодеж. науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока* / отв. ред. А.Д. Зельницкий. Вып. 33. СПб., 2004. С. 100-105.
13. Победоносцева Кая А.О. «Езидские тексты» О.Л. Вильчевского // *Языки и культуры стран Азии и Африки: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф.* М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2021. С. 163-165. <https://elibrary.ru/kjctwf>
14. Наумкин В.В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 76-87. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-76-87>, <https://elibrary.ru/pitcvz>
15. Жигалина О.И. Современное состояние курдского вопроса в Турции // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2009. № 5. С. 151-153. <https://elibrary.ru/ldeuvz>
16. Malovany P. Wars of Modern Babylon: a History of the Iraqi Army from 1921 to 2003. Kentucky: University Press of Kentucky, 2017. 928 p.

References

1. Ofra Bengio. (2018). *Kurdistan's Moment in the Middle East*. Moshe Dayan Center, 468 p.
2. Vertyaev K.V., Ivanov S.M., Makarenko V.V. (2023). *Rozhava: fenomen kurdskei avtonomii v Sirii*. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 368 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cwhujs>
3. Baravi M.V., Kretov A.D., Tarasova D.A. (2024). Ethnic Kurdistan in the context of 21st century geopolitics. *Konfliktologiya/Nota bene = Conflict Studies*, no. 1, pp. 1-11. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2024.1.69609>, <https://elibrary.ru/qdwtgw>
4. Khanaliev N.U. (2020). *Prioritety natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: ehvolyutsiya balansa sil v bor'be za Bol'shoi Blizhnii Vostok*. Moscow, University Book Publ., 520 p. (In Russ.)
5. Zhigalina O.I. (2006). *Collection of Works: The Kurdish Question in Western Asia at the Beginning of the 21st Century*. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka Publ., 342 p. (In Russ.)
6. Nader A., Hanauer L., Allen B., Scotten G. Ali. (2016). *Regional Implications of an Independent Kurdistan*. Santa Monica, RAND Publ., 159 p.
7. Ocalan A. (1998). *Kurdistsanskaya deistvitel'nost' s XIX veka po nastoyashchee vremya i dvizhenie RPK*. Moscow, Axina Welat Publ., 378 p. (In Russ.)
8. Dubinin A.I. (2023). The ethnic factor in international relations in the Middle East: a historical retrospective and the current state. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research*, no. 6, p. 27-46. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.6.40988>, <https://elibrary.ru/cvqkzr>
9. Elitsoy A. (2017). The Kurdish Hizbullah and its shifting attitude towards Kurdishness and the Kurdish issue in Turkey. *Fritillaria Kurdica. Bulletin of Kurdish Studies*, no. 17, p. 4-19.
10. Ofra Bengio. (2017). The Kurds in a Volatile Middle East Report. *Mideast Security and Policy Studies*. No. 130, Israel.
11. Zhigalina O.I. (1996). *Ethnosocial Evolution of Iranian Society*. Moscow, Oriental Literature Publ., 264 p. (In Russ.)
12. Omarkhali Kh.R. (2004). The ethnic identity of the Kurds and the self-identification of the Yazidi Kurds. Interaction with representatives of other cultures. *Materialy 7 Molodezhnoi nauchnoi konferentsii po problemam filosofii, religii, kul'tury Vostoka «Put' Vostoka. Kul'turnaya, ehnicheskaya i religioznaya*

- identichnost'» = *Proceeding of the 7th Youth Scientific Conference on the Problems of Philosophy, Religion, Culture of the Orient: The Way of the East*, St. Petersburg, no. 33, pp. 100-105. (In Russ.)
13. Pobedonostseva Kaya A.O. (2021). "Yazidi texts" by O.L. Vilchevsky. *Yazyki i kul'tury stran Azii i Afriki: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Abstracts of the Reports of the International Scientific and Practical Conference: Languages and Cultures of the Countries of Asia and Africa*, Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., pp. 163-165. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kjctwf>
 14. Naumkin V.V. (2019). The Kurdish conundrum of the Middle East (the case of Iraq). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 5, pp. 76-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-76-87>, <https://elibrary.ru/pitcvz>
 15. Zhigalina O.I. (2009). Sovremennoe sostoyanie kurdsogo voprosa v Turtsii. *Vostok. Afro-aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost*, no. 5, pp. 151-153. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lduuvz>
 16. Malovany P. (2017). *Wars of Modern Babylon: a History of the Iraqi Army from 1921 to 2003*. Kentucky, University Press of Kentucky, 928 p.

Информация об авторах

Барави Мелина Владимировна, научный сотрудник кафедры истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0004-6063-6948>
melinabaravi@gmail.com

Тарасова Дарья Александровна, научный сотрудник кафедры истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-4825-6446>
daria.tarasova@corp.mail.ru

Поступила в редакцию 21.05.2024
Получена после доработки 13.08.2024
Принята к публикации 12.09.2024

Information about the authors

Melina V. Baravi, Research Scholar at History and Politics Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0004-6063-6948>
melinabaravi@gmail.com

Daria A. Tarasova, Research Scholar at History and Politics Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-4825-6446>
daria.tarasova@corp.mail.ru

Received 21.05.2024
Revised 13.08.2024
Accepted 12.09.2024